

Михаил Марк

Спасители Златоземья

КНИГА ВТОРАЯ ЗВЁЗДНЫЙ КАМЕНЬ

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ
В ЗНАКОМОМ НОВОМ МИРЕ**

«Автограф»
2022

Глава 1

Четыре строчки

Прошло полтора месяца с тех пор, как названные братья Лиафар и Агат вернулись из путешествия, в котором освободили прекрасную Управительницу природы — птицу Мираж. Природа восстанавливалась. Пусть осень не предполагала пышного цветения, кое-где всё же проглядывала зелёная трава, больные деревья исцелялись.

Получив приглашение от царя Дандора, братья тотчас отправились в путь.

Придворная прислуга сопровождала юношей на летнюю террасу, выходящую в сад, где они предстали перед государем, занятым чаепитием в компании с седовласым чародеем. Сложно передать словами, как сильно Лиафар обрадовался Мианарфону, ведь у юноши к чародею было крайне важное дело. Но прежде царь Дандор и Мианарфон желали услышать из первых уст подробности спасения птицы Мираж.

Лиафар поведал о встрече с ведьмой Аламаз, открывшей тайну бессмертия Адегора, о ловушке, устроенной злодеем и его сподручным, о сражении на мечах и смертельном ранении. Под конец рассказа на террасе появилась царевна

Полетта, жаждавшая утолить любопытство. Агат, питавший к старшей дочери царя нежные чувства, вызвался пересказать хронику недавних событий, и они сели с другого края вытянутого стола.

Чуть позже беседу прервал старший дворецкий, возвестивший о прибытии гонца со срочным донесением. Царь Дандор удалился, а Лиафар вернулся к вопросам, непрестанно терзавшим его последний месяц.

— Пока я был без сознания, я видел маму, — начал изда- лека Лиафар, стараясь сохранить спокойный тон. — Там же, где встречал Виринею. Потому думаю, что мне это не при- снилось. Всё было по-настоящему. И хотя многое уже забы- лось, всё же я запомнил кое-что... Когда я спросил маму, почему вместе с ней меня не встретил папа, она... она ска- зала, что его нет среди мёртвых. Его нужно искать среди живых.

Лиафар произнёс последние слова почти шёпотом. Они были наполнены столь большой надеждой, сколь огром- ным был и страх, что ему всё привиделось.

— Мой папа жив, — произнёс он чуть смелее. — Ведь правда?

Мианарфон тепло улыбнулся, отнюдь не из жалости.

— Правда, — подтвердил мудрец. — Твой отец действи- тельно жив.

У Лиафара перехватило дыхание, сердце забилося чаще. А мудрец неспешно продолжил:

— Не всё так просто. И когда ты спрашивал меня о роди- телях в Островке, я действительно многого не знал... Знал лишь, что твоей мамы нет в живых — Виринея поведала. А вот твоего отца она не встречала... Опуская подробности моих злоключений за последний месяц, я должен сооб- щить тебе: кажется, я нашёл твоего отца.

Лиафар едва сдерживался, чтобы не... Он и сам не знал, что рвётся наружу из груди: крик ликования или вздох облегчения. А ещё он боялся, что не удержит слёз радости, ведь надежда, теплившаяся со дня встречи с мамой, расцвела в душе ярким фейерверком.

— Однако должен тебя предупредить об одном обстоятельстве, — сказал вдруг чародей, уставившись на юношу карим взором из-под сдвинутых бровей.

Буря эмоций, поднявшаяся в Лиафаре, мгновенно утихла. Он попытался угадать по взгляду седовласого мужчины, насколько серьёзным, или даже пугающим, могло быть упомянутое обстоятельство.

— С ним что-то случилось? — выразил беспокойство Лиафар. — Поэтому-то он сам до сих пор не объявился в Островке? Он здоров?

— Погоди, — остановил поток вопросов чародей. — Не беспокойся, его жизни ничто не угрожает. Но давай по порядку. Начну с начала, чтобы мои... м-м... сомнения были очевидны и чтобы ты понял, почему мы увиделись только сейчас.

После встречи с тобой в вашей деревне я решил, что не могу просто сидеть сложа руки и дожидаться исхода событий, пока вы рискуете жизнями, — признался он. — Вмешаться в ваш поход я тоже не мог, иначе вся затея с твоим избранием пошла бы прахом... Ты не подвёл! Вы оба не подвели! Повторюсь, несмотря на ваш юный возраст, вы с Агатом показали свою зрелость. Вы многого не испугались, во многом разобрались самостоятельно, остались верны себе и *правильным* принципам. В этом я вижу заслугу ваших родителей. Они привили вам верное понимание хорошего и плохого... Но если с родителями Агата всё понятно, то о твоих предстояло многое выяснить. И поэтому я первым

делом отправился в Павловск. Там я пытался узнать у сторожил, не прибывало ли к берегу восемь лет назад тело твоего отца, уж извини за грубость. В поиске людей, которые могли бы хоть намёком навести на след Влада, я провёл в Павловске около десяти дней.

И вот я встретил в пристани матроса, служившего на велигорнском корабле. В беседе он натолкнул меня на мысль, что буря, захватившая твоих родителей, могла отнести их по морю куда дальше, чем можно было предположить. К берегам Синих лесов, например. И тогда я решил отправиться в Велигорн, или как его ещё называют — Зеркальный город. Я написал тебе короткое послание, набрал команду для корабля, и мы поплыли.

— Вы хотели сказать «полетели»? — поправил Лиафар.

— Нет, именно поплыли, — уточнил мудрец с грустной, как показалось Лиафару, улыбкой. — Колдовство не даётся даром. И я стараюсь не прибегать к чарам, если в них нет необходимости... Тот корабль сам по себе создавался при помощи чар, поэтому моё колдовство было мизерным, хотя и ощутимым. Я прилетел на нём к вам в Островок только потому, что время поджимало. По счастью, Виринея связалась со мной заранее, так что я успел по пути навестить царя Дандора и старого знакомого Кирилла, чтобы попросить их о помощи. Ну а повидавшись с тобой, я сразу же опустил судно на воду в гавани Павловска — благо, корабль можно использовать и по прямому назначению.

Так вот, мы приплыли в Велигорн. Тамошний командующий признался, что за пять лет его службы экипажи кораблей не раз вытаскивали из воды людей: живых и мёртвых. А что происходило раньше, мог сказать только предыдущий командующий пристанью. Мне удалось отыскать стареющего моряка с многолетним опытом, чей рассудок, к сожа-

лению, отказывался воскрешать в памяти подробности событий восьмилетней давности. На моё счастье, супруга бывшего командующего пристанью подсказала, что слышала рассказ об интересующем меня шторме от подруги — жены бывалого старпома, живущего на окраине Велигорна. Старпом Галерий подтвердил, что ходил на корабле, который угодил в тот злосчастный шторм. Именно он чудом заметил тело, подбрасываемое на волнах. Вскоре он и один из матросов подняли на корабль мужчину, в котором едва билась жизнь. Проснулся спасённый уже в пристани Велигорна.

— Значит, он остался невредим! — заключил Лиафар из сказанных слов, но обнаружил сконфуженность на лице Мианарфона.

— Не совсем. Сам он остался цел, но вот его память повредилась.

— То есть он...

— Ничего не помнит, да.

Лиафар, как громом поражённый, устоял на мудреца невидящим взглядом. Отец не помнит его! Стало быть, он не узнает Лиафара, даже если тот его отыщет. Идея поисков сразу поплёкла в сознании юноши. И тому служила ещё одна печальная мысль:

— Но откуда же нам знать, что тот человек — и есть мой отец, если он ничего не помнит?

— Оттого я и допускаю сомнения, но, мне кажется, ошибка маловероятна, — пояснил мудрец. — Жизнь порой закручивает удивительные сюжеты, а судьба преподносит большие неожиданности... уж тебе ли не знать! Так почему мы должны отказываться от выпавшего шанса?

— Нет-нет, — торопливо замотал головой Лиафар, — я вовсе не отказываюсь от шанса отыскать отца! Но вы ска-

зали, что нашли его.

— Старпом, да и вся команда корабля посчитала настоящим чудом, что человеку удалось выжить в таком шторме, — продолжил размеренно Мианарфон. — Его так и прозвали — Арнес, что на старом велигорнском наречии означает «чудо».

Поиски Арнеса привели меня к королю Тарефару, правящему Зеркальным городом почти полвека. Как по мне, он не самый гуманный правитель, и ещё меньше терпимости у него ко всякого рода необычным людским умениям. А что до чародеев, к нам у него и вовсе нет доверия. Что говорить, если из-за его стараний закрыли западную школу Ордена, основанную за несколько столетий до его рождения.

Арнес, как выяснилось, служит трубочистом при королевском дворе. Но увидеться с ним в замке мне не удалось, так как я наткнулся на стену непонимания в лице правителя Велигорна. Тот, по-видимому, решил, что меня интересуют запечатанные помещения и главное из них — библиотека Ордена, а потому отнёсся ко мне с настороженностью, если не сказать — с враждебностью. Во встрече с Арнесом мне грубо отказали. Но я не стал настаивать.

Лиафар про себя удивился, решив, что мудрец слишком легко сдался. В его представлении чародею ничего не стоило убедить любого в чём угодно.

— Поселившись в ближайшем трактире, я за пару недель наладил знакомства, разыскал нужных людей и договорился о встрече с Арнесом в том самом трактире, чтобы не мелькать перед глазами вездесущих ищек Тарефара. Уверенности в том, что план сработает, у меня не было, но я всегда стараюсь сохранять положительный настрой, и встреча всё-таки состоялась, — наконец, подобравшись к самому главному, поведал мудрец, чьим словам Ли-

фар внимал с немигающим взглядом. — После разговора с Арнесом я понял, что вероятность ошибки ничтожна. И только ваша встреча с ним способна развеять все сомнения. Привезти его к тебе я не мог, ведь он видел меня впервые, а о своём прошлом ничего не помнит, поэтому я попрощался с ним и договорился о скором свидании. После я отправлялся в ещё одно короткое путешествие, но это уже другая история. Я вернулся в Зеленоград и стал дожидаться вашего с Агатом прибытия.

Погружаясь в противоречивые раздумья, Лиафар достал из нагрудного кармана деревянную фигурку птицы Мираж, вырезанную полоумным жителем Островка Агафоном. В дни тяжёлых раздумий юноша часто крутил в руках фигурку, и это успокаивало, оттого он решил не расставаться с безделушкой. Вот и сейчас островитянин понадеялся, что прикосновение к тёплому дереву подарит умиротворение.

С одной стороны, Лиафар был рад узнать, что мудрец отыскал его отца, но с другой — удручало, что отец лишился памяти. К тому же, как признался сам мудрец, нельзя было полностью исключать, что это мог оказаться чужой человек, попавший в шторм в одно время с Владом. Лиафар был совершенно сбит с толку. За последние несколько минут он успел пережить целую палитру эмоций, от восторга до разочарования. За утешением он обратился взглядом к Мианарфону.

— Не унывай, — сказал в ответ чародей. Он взглянул на приунывшего Лиафара пронизывающим взором карих глаз и успокаивающе добавил: — Я буду рядом, отправимся в Велигорн вместе.

Лиафар непроизвольно улыбнулся. Смятение в душе поулеглось.

Агат тем временем увлечённо расписывал Полетте

схватку с Адегором, активно жестикулируя руками, поэтому о скором походе ему только предстояло узнать. Но тут возвратился царь Дандор, и все четверо смолкли, встав при его приближении. Царь спешно подошёл к столу — за ним, пыхтя, поспешал Аникеич — и, выглядя ещё более хмурым, даже встревоженным, поведал:

— Прибыли гонцы от дозорных с юга... В Чёрных горах происходит неладное. Похоже, собирается войско!

***

Беседа продолжилась дотемна. Придворные зажгли во дворах фонари и факелы, а на террасу принесли две масляные лампы с изящными стеклянными плафонами. Становилось прохладно, но компания не спешила перебираться во дворец. Царь желал ещё раз услышать описание схватки с Адегором, на этот раз его интересовали мельчайшие подробности побега из разрушившегося замка.

— Стало быть, не настолько сильны были повреждения! — заключил Дандор Белгородский. — Черти уцелели!

— В записях Ордена говорится, что Чернигрум занимает обширное пространство под горной грядой. Скорее всего, разрушилась лишь верхняя часть, которую Андреней и Адегор использовали в качестве парадных помещений, — поведал Мианарфон, а затем высказал общее любопытство: — Государь, что именно донесли ваши гонцы?

— В Чёрных горах поднимается дым — судя по всему, работают кузни, — рассказал царь. — Со всех концов, из горных пещер, из всех щелей повылезала нечисть. Черти собираются в большие группы... По ночам в долине слышен гвалт и скрежет металла. Гонец, принёсший вести, говорит, что никогда не видел такого скопища чертей.

Мудрец задумчиво уставился на царя Дандора, словно

пытался натолкнуть его на мысль. Лиафар, Агат и Полетта переводили взгляды с одного застывшего в раздумьях мужчины на другого. Наконец царь пошевелился и обратился к мудрецу с вопросом:

— Думаешь, можно иначе истолковать происходящее?

— Вполне возможно, черти восстанавливают подгорное жилище, и вольные собратья их пришли на помощь, — не торопясь отвечал Мианарфон. — Согласен: царским войскам не помешает находиться в состоянии боевой готовности. Однако... какова вероятность, что Адегор после поражения решится пойти войной против Золотореченска? Черты всё ещё боятся солнечного света, а с возвращением птицы Мираж небо ежедневно озаряется огненным светиллом... Я сомневаюсь, что есть другая сила, способная управлять природой или их непереносимостью света.

— То есть волноваться не стоит? — царь погладил аккуратно стриженую бороду, продолжая хмуриться и сверлить взглядом мудреца.

— Стоит, конечно, государь, — Мианарфон был невозмутим. — Но войска необходимо собрать лишь для собственного спокойствия.

— И просто ждать? — осведомился царь. — Пока чего не произойдёт?

— Быть может, и не произойдёт, — пожал плечами мудрец. — А если произойдёт, мы будем во всеоружии.

Царь Дандор смолк. Он размышлял над чем-то ещё и хотел обсудить это с мудрецом, но не решался заговорить при свидетелях. Государь оглядел сидящих за столом, а затем вернулся взглядом к чародею:

— Так вы отправляетесь в Велигорн?

Стало ясно, что мудрец поделился с царём Дандором результатами своих поисков.

— Да, государь, — кивнул седовласый мужчина с лёгкой улыбкой. — В любом случае от нас сейчас никакого толка. Спаситель... то есть спасители, — мудрец адресовал Агату почтительный кивок, — сделали уже всё, что от них зависело. Пока для них миссий нет... Думаю, мы очень скоро вернёмся. А если вдруг что случится, вы призовёте нас с помощью порхающего письма. Найдётся пара листов бумаги? Я зачаровал бы их для этой цели.

Лиафар вспомнил бумажную птицу, которая нашла его в Дремучем лесу и принесла на себе подбадривающее послание от мудреца.

— Пойдёмте во дворец, — предложил царь Дандор. — Бумаги там сколько угодно, и Катерина с детьми уже, наверное, ждут к ужину.

Компания с шумом поднялась на ноги и направилась к силуэту дворцовых построек, выделявшихся на фоне тёмно-синего неба с мерцающими звёздами. Царь с мудрецом прошли немного вперёд и продолжили разговор приглушёнными голосами, а Лиафар и Агат составили компанию Полетте.

— Так дядя Влад жив?! — воскликнул Агат. В его голосе сочетались и радость, и обида. — Почему ты раньше не сказал?

— Я не был уверен, что мне это не приснилось, — с тенью грусти в глазах признался Лиафар. — Надеюсь, всё сложится удачно.

— Вы снова отправляетесь в путешествие? — в мягком голосе Полетты явственно звучала зависть. — Хотела бы и я отправиться вместе с вами, — почти шёпотом, чтобы её не услышал впереди шагавший отец, произнесла впечатлённая рассказами царевна. — Надоело во дворце жить! Хочется повидать мир: побывать за пределами Золоторе-

ченска, отправиться в плавание к чужедальним землям...

Островитяне незаметно переглянулись: они сомневались, что царица выдержит хотя бы день похода по Дремучему лесу или Острозубым горам. Привыкшая ездить в удобных экипажах, она вряд ли представляла себе тяготы пеших путешествий на большие расстояния.

— Вы напомнили мне Болотника, — неуклюже попытался поддержать беседу Лиафар. — Он тоже мечтает покинуть болото... То есть не тоже, а просто, хочет покинуть... мир повидать, — спешно исправился он, краснея. — Я обещал ему вернуться однажды, но, похоже, не скоро сдержу слово.

— Вот и с Болотником этим я была бы не прочь познакомиться, — призналась девушка. — Только и делаю, что книги читаю, да рассказы слушаю... А так хочется самой отправиться в путь...

— Так давайте с нами, царица! Поплывём в Велигорн все вместе, — Агат тут же позабыл о своих сомнениях в выносливости Поветты.

Поветта лишь горько усмехнулась. Она понимала, что Агат сказал это от незнания порядков, бытующих в царской семье. Поэтому без раздражения объяснила, почему это предложение несостоятельно:

— Царской дочери не пристало даже говорить о путешествиях и всяком таком. Всё, что мне полагается: читать, вышивать, да изучать науки со старикашками, которые и сами едва не засыпают на собственных уроках... Мне иногда кажется, что родные забывают о моём существовании: матушка посвящает всё своё время сестрице, братья забавляются на охоте, а батюшке и вовсе не до меня. Для родителей главное, чтобы я их не посрамила, а мои чаяния их не интересуют. Ещё и грозятся выдать замуж раньше срока, коли буду проявлять непослушание.

Агат бросил другу взволнованный взгляд и вновь уставился на царевну.

За ужином о чертях и Адегоре почти не говорили. Братья Полетты — Енисей и Митрий, внешне больше похожие на отца с его грозным взглядом из-под густых бровей, — поначалу настороженно отнеслись к островитянам, но затем разговорились о путешествиях и охоте. Полетта с неприязнью отреагировала, когда речь зашла об убийстве животных: демонстративно отвела глаза в сторону от юношей и завела увлечённый разговор с матерью и младшей сестрицей Ариной. Агат посматривал на старшую царскую дочь, желая показать, что разделяет её взгляды, но та не удостоивала его вниманием.

Решив и дальше игнорировать компанию юношей, Полетта под конец трапезы отсела от них и с излишним интересом внимала разговору отца и чародея. Она с волнительной робостью напомнила мудрецу про зачарование бумаги, и тот, охотно отозвавшись, попросил чистые листы. Аникеич поднёс бумагу, и мудрец обнажил меч.

Компания притихла. Мианарфон повернул его в руке остриём вниз, и светло-голубой топаз, украшавший навершие, засиял. Одними губами чародей произнёс загадочную фразу на неведомом языке, и короткая рябь пробежала по листам бумаги. Сам он едва уловимо поёжился. Когда камень на рукояти погас, мудрец взглянул на сотрапезников привычным бодрим взглядом.

— Всё, что нужно, — написать сообщение и загадать человека, к которому письмо должно отправиться, — объяснял мудрец. — Чёткий зрительный образ адресата и эмоции, связанные с ним, служат питающей силой для чар. А лучшую направленность обеспечивают слова — они как бы

сосредотачивают в себе энергию. Поэтому при отправке сообщения рисуйте образ в сознании и для верности произнесите моё имя. Лист может обыкновенно полететь по воздуху, а может сложиться, например...

Мианарфон провёл ладонью по листу, лежавшему поверх остальных, и тот немедля вспорхнул в воздух, складываясь на лету в незатейливый образ изящной птички. Лиафар сразу узнал её. Точно такая доставила ему подбадривающее сообщение от мудреца, когда Лиафар, охваченный душевными переживаниями и мраком Дремучего леса, брёл на поиски Хрустального сердца.

— ...в ласточку, — закончил мысль мудрец.

Присутствующие оживились, особенно младшая царевна. Под восхищённые взгляды ласточка порхнула к расписному потолку, покружила немного и спланировала на стол, приняв обратно форму обычного листка — только линии сгибов остались напоминанием минувшего преобразования.

В завершение застолья царь Дандор сделал взглядом жест Аникеичу, и тот встал по правую руку от государя с двумя увесистыми мешочками на раскрытых ладонях.

— Что ж, — Царь Дандор мягко прочистил горло. Все собравшиеся притихли. — Лиафар и Агат, — обратился он к островитянам, и те выпрямились на своих местах. — В свете новых событий, думаю, будет правильным перенести церемонию награждения. Мы хотели провести небольшую, но торжественную... Ну, вернёмся к этому позже. Сегодня обойдёмся небольшой наградой за ваш неоценимый вклад в спасение Златоземья. Предлагаю поднять кубки за наших героев. Честь и хвала Лиафару и Агату!

Раскрасневшиеся от похвалы юноши поднялись на ноги

и приняли от Аникеича звякнувшие мешочки с золотом. Не считая Полетты и её младшей сестры, все за столом пригубили вина из кубков.

Произнеся короткие слова благодарности, братья опустились в кресла, стараясь не выглядеть при этом самодовольными. Впрочем, врождённую скромность выдавал пылающий румянец на щеках.

После ужина увлекающиеся охотой сыновья царя Дандора решили показать островитянам свои трофеи. Енисей и Митрий отвели братьев в комнату, где всюду лежали и висели чистые шкуры животных, бивни и когти — в общем, всё, на что Полетта бросала осуждающий взгляд. Но один предмет всё же вызывал у неё лёгкую улыбку — стеклянный короб с бабочками, приколотыми к подушке мелкими булавками. Агат не преминул подскочить к царевне, пока другие разглядывали шкуру медведя — трофей Енисея.

— Красиво! Вы сами их поймали?

— Мы разводим их в оранжерее, — поспешила объяснить Полетта. — Помню, несколько лет назад мы отправились на окраину Зеленограда, к морю. Там на лугу вблизи берега летало целое облако крапивниц и бабочек... Ах, это было замечательное лето! Люблю его вспоминать, глядя на бабочек. По-моему, они самые удивительные создания. Вот только их жизнь длится недели, а иногда всего несколько дней. Такая красивая, но быстротечная жизнь...

— Так можно и про наши жизни сказать, — решил утешить погрузневшую девушку Агат, но тут же понял, что слова слова подобрал неудачно.

— Только в наших силах сотворить за жизнь нечто значимое... нечто грандиозное... — произнесла с горечью Полетта. — А мы либо по собственному желанию, либо по

велению старших проживаем её впустую.

— Государь заботится о вас, — поняв о чём идёт речь, сказал Агат. — Он хочет оградить от опасности, которая поджидает за пределами родных краёв. В том же Дремучем лесу...

— В котором мне никогда не побывать! — в расстроенных чувствах отрезала Полетта и отвернулась от стеклянного короба с бабочками. — Много ли можно сделать, сидя в четырёх стенах?

Агат потупился, не зная, что ответить. С одной стороны, он проникся большой симпатией к царевне и отлично понимал, насколько удушающе действует клетка, пусть даже золотая. С другой — казалось ребячеством грустить из-за нехватки впечатлений, когда живёшь во дворце и не знаешь забот. Наконец Агат решил приободрить девушку трогательным рассказом из жизни. Он не любил, да и не хотел, чтобы его жалели, поэтому почти никогда не вспоминал вслух о матери. Но сейчас почувствовал, что откровение могло быть к месту.

— Знаете, когда я был маленьким, папа часто читал мне одно стихотворение, которое я быстро запомнил и помню до сих пор, — признался Агат. — Он подчёркивал, что его сочинила мама, когда носила меня под сердцем. Ей не пришлось покидать родного дома, чтобы оставить о себе память. Я её никогда не видел, зато помню стихотворение... Всего четыре строчки, и все они обо мне...

Зажглась на небе новая звезда,
Забилось трепетно сердечко.
Тобою буду дорожить всегда,
Любить тебя я буду вечно!

Агат со смущением отвёл глаза и не увидел, как изме-

нилась в лице царевна. Она почувствовала себя пристыженной, хотя понимала, что юноша этого не хотел. Полетта взглянула на Агата совсем другими глазами. Поначалу он казался ей немного беспечным, порой даже диковатым, но после услышанного она разглядела в юноше другую грань — его ранимость показалась ещё более привлекательной, чем завидная решительность. Полетта больше не грустила, не причитала по поводу строгих порядков во дворце и нелёгкой доли царевны, но с пониманием и благодарностью поглядывала на Агата до конца вечера.

Глава 2

Жизнь в тени

Компания разошлась в разные концы дворцовых покоев около полуночи. Условившись с мудрецом отправиться в путь на рассвете, Агат и Лиафар проследовали за прислугой в гостевую комнату. Друзья вспомнили, как впервые ночевали здесь. Тогда всё было в диковинку, и сердца сковывал трепетный страх перед величием дворца и предстоящими испытаниями. Теперь страх ушёл, но, несмотря на это, они долго не могли уснуть: каждый думал о своём. Лиафар предвкушал волнительное путешествие и скорую встречу с отцом, Агат прокручивал в памяти разговор с Полеттой.

Рассматривая потолок и часом позже, Лиафар краем глаза видел, что друг ворочается в попытках заснуть, но не заметил, как тот на него поглядывает. Агат словно хотел заговорить с Лиафаром о чём-то, что не давало покоя, но не решался.

Сон пришёл к названным братьям поздно, поэтому наутро они проснулись лишь спустя несколько стуков в дверь.

— Чёрт нас подери! — воскликнул Агат, уже натягивая рубашку. — Проспали! Мудрец ведь не отправится в путь без нас?

— Нет, конечно. — Лиафар выискивал взглядом медальон, который снял на время сна. — Но опаздывать всё равно паршиво. Не хочется краснеть из-за своей нерасторопности.

Однако мудрец всё же заставил друзей почувствовать себя неловко. Он ожидал юношей в трапезной комнате северного крыла, и когда те появились, не произнёс ни слова, но одарил Лиафара и Агата таким строгим взглядом, что они предпочли бы словесное поругание.

— Корабль с командой ожидает в пристани Зеленограда, — сообщил мудрец. — Доскачем на лошадях за два дня. Если вы, конечно, не против. Умеете держаться в седле?

Агат кивнул. Лиафар тоже, но при этом сморщил лицо: он не любил ездить верхом, потому что потом долгое время оставалось ощущение седла между ног. Куда больше ему нравилось путешествовать в повозке. Не говоря уже о том, что друзья размечтались об экипаже, каким обычно пользовались члены царской семьи и зажиточная знать.

— И прежде чем мы двинемся в путь, я бы хотел договориться, что называется, на берегу, — произнёс Мианарфон, и островитяне выжидающе затаили дыхание. — На корабле действует строгий порядок, поэтому никаких опозданий на обед и снов до полудня, а самое главное — вы должны пообещать, что будете неукоснительно выполнять все указания. Последнее касается не только дисциплины на корабле, но и любых дальнейших передвижений. Что бы ни случилось, какие бы обстоятельства ни застигли врасплох, вы должны доверять мне, прислушиваться. Да и самим следует действовать осмотрительно, с осторожностью и со всей ответственностью. В конце концов, вы уже взрослые люди и нянчиться с вами никто не должен.

Друзья охотно кивнули, после чего переглянулись. Они понимали, что мудрец не пытался обидеть или нагрубить,

он лишь проявлял заботу в свойственной ему строгой, но доброжелательной манере.

— А теперь хорошо позавтракайте и выходите во двор, — сказал Мианарфон, поднимаясь из-за стола. Он уже успел подкрепиться в одиночестве. — Если желаете, возьмите с собой немного съестного в дорогу, — добавил он, покосившись на тряпичный мешок, отложенный Лиафаром на свободный стул.

— Так у нас ведь есть чудо-скатерть! — напомнил Лиафар. — Проблем с едой не будет.

— А вы разве не собираетесь вернуть дары Кириллу? — спросил требовательным тоном Мианарфон.

— Да, собирались, — подтвердил Лиафар. — И даже попытались. Мы виделись с ним по пути во дворец. Но он не принял их: сказал, нам они ещё могут пригодиться.

— Что верно, то верно — всякое может быть, — рассудительно заметил чародей. — Только я попрошу не пользоваться скатертью и варежкой без крайней надобности. Не за чем привлекать к себе внимание. — Мудрец обнаружил недоумение на лицах юношей, поэтому пояснил: — Видите ли, эти чудесные предметы носят искусные чары. Некоторые готовы пойти на воровство, а то и на убийство, только чтобы завладеть ими. В своё время в погоне за артефактами пострадало немало людей — не хотелось бы, чтобы это повторилось...

Лиафар вдруг почувствовал отвращение к предметам, лежавшим в мешке. Он словно впервые о них услышал, причём новое открытие стало совершенно неприглядным.

— Нет, я не убеждаю, что обладать предметами опасно, я лишь прошу быть осмотрительными, — уточнил мудрец, отметив в глазах островитян смятение. — Сами по себе они прекрасны. Но люди на пути могут встретиться разные:

одни удивятся и искренне порадуются, другие — непременно позавидуют и пожелают заполучить их. Чтобы ничего плохого не произошло, будем вести себя скрытно.

Друзья снова кивнули, и чародей покинул комнату. Юноши поспешили приговорить завтрак, чтобы поскорее присоединиться к мудрецу. Отправляя в рот густо намазанные сметаной оладьи, Лиафар бросил тревожный взгляд на покоившийся на соседнем стуле мешок, в котором лежала скатерть, варежка и прочая мелочь. Он и подумать не мог, что эти вещицы сулят столько неприятностей. Агату тоже не давали покоя слова мудреца, поэтому завтрак пролетел в обоюдном молчании.

Лиафар положил в мешок пирог, завёрнутый в полотенце, и ломти хлеба с сыром, затем проверил фигурку птицы в нагрудном кармане, а тюк закинул за спину.

По поручению мудреца один из помощников Аникеича проводил островитян во двор. Царская семья только пробуждалась, а по дворцу уже бегала прислуга: то и дело слышался торопливый топот и короткие указания дворецкого трубочистам и кухаркам.

Утро было прохладным, над дворцом стремительно проплывали рваные облака. Агат и Лиафар плотнее запахнули плащи. Мудрец возле конюшни объяснялся жестами с немым Подковычем. Обычно смурной конюх в этот раз выглядел оживлённым, если не сказать — весёлым. Позади мужчин топтались три почти одинаковые бурые лошади с тёмными гривами и хвостами. Увидав приближающихся островитян, мудрец указал на них жестом конюху. Тот вновь нахмурился, но всё же протянул поводья будущим наездникам и, кивнув на прощанье, удалился.

— А мы не увидимся с царевной перед отбытием? —

спросил Агат, взобравшись на лошадь и оглянувшись по сторонам.

Лиафар понимающе заулыбался. Мудрец тоже ухмыльнулся.

— Ты можешь остаться во дворце и ждать нашего возвращения, если хочешь. Думаю, царь Дандор позволит тебе погостить ещё немного... — Мианарфон резво забрался в седло.

— Что? Нет, — отозвался Агат, отмахнувшись от разыгравшейся фантазии, в которой царевна напутствовала его самым нежным образом. — Я готов!

— Тогда едем! — скомандовал мудрец и пришпорил коня.

Островитяне не растерялись и поскакали вдогонку. В утренней тиши стук копыт разнёсся эхом по всему двору, а затем стих за воротами. Лошади с наездниками растворились в лёгком тумане.

Троица, выехав на просторную дорогу, припустилась во весь опор, намереваясь достичь зеленоградской пристани до заката следующего дня. Мианарфон двигался чуть впереди — его седовласая коса трепыхалась за спиной. Лиафар и Агат старались не отставать. В лицо бил холодный ветер, капюшоны срывало с голов. В пути было не до разговоров.

Мимо проносились разномастные дома, поля, возделываемые землелашцами, и извилистые реки. С возвращением птицы Мираж природа почти полностью восстановилась и, вопреки собственным законам, не стала увядать с приходом осени — напротив, дышала жизнью. Редкая листва шелестела на вытянувшихся к солнцу ветвях, шуршала и высокая трава, разросшаяся на пару с пурпурным и коричневым багульником. Лишь потеряв возможность наблюдать эту красоту в месяцы непогоды, люди по-но-

вотому взглянули на окружающий мир и обрадовались цветению. Вот и путники наслаждались видами.

Первую короткую, но долгожданную передышку, они сделали через пару часов, остановившись у колодца. Попив и напоив скакунов, Лиафар и Агат едва успели отдышаться, как мудрец предложил не тратить понапрасну время и продолжить дорогу.

К полудню тракт привёл путников к большой деревне, распростёршейся на холмистой местности. Мианарфон замедлился, братья поравнялись с ним и удивились, насколько безмятежным было его лицо. Дыхание мужчины было ровным, словно всё это время он преодолевал расстояние не вскачь, а лёгким гарцующим шагом. Юноши же часто дышали, а глаза и щёки покраснели от ветра.

— Здесь начинаются Теремки, — поглаживая холку коня, возвестил Мианарфон и указал взглядом на видневшуюся в нескольких верстах широкую площадь, где сходились главные дороги.

— А далеко ещё до пристани? — осведомился Лиафар, ёрзая в седле.

— Недалеко, но дорога за деревней будет не столь прямой, поэтому нам не удастся преодолеть оставшееся расстояние так же быстро, — ответил мудрец, пригладив разлетевшиеся пряди на голове. — Остановимся в Теремках переночевать и снова двинемся в путь. А пока давайте передохнём.

Путники спешили и отошли в сторону от дороги, к залитому солнцем лугу, поросшему высокой травой, и протекавшей вблизи речке. Мианарфон и Агат привязали лошадей к дереву у самой воды, чтобы запыхавшиеся скакуны могли напиться. Размяв ноги, Лиафар достал из мешка провизию и положил всё на раскрытое полотенце в тени ветвей.

— Когда-то именно здесь зарождался Золотореченск, — поведал мудрец, хлебнув воды из баклаги. — Сперва то было небольшое поселение: сюда пришли и осели странствующие семьи, чей прежний дом уничтожили не то могущественные силы, не то природное бедствие — точных сведений не сохранилось. Деревня разрасталась, люди осваивали близлежащие земли. Город, ныне именуемый Зеленоградом, раньше звался Королевством. Уже потом к нему были присоединены другие территории, и Королевство Зеленоград постепенно превратилось в царство Золотореченск. Каких только событий и преобразований здесь не происходило!

— А вот, называя нашу деревню, фантазии не проявили, — посетовал Агат. — Островок.

— Следующая за Теремками деревня когда-то звалась Нижние гады, — сказал Мианарфон с ухмылкой. — А на западе я бывал в деревушке с загадочным названием Прыткие опухлики. Вот, где фантазию никто не сдерживал. Так что радуйтесь, что у вас просто Островок.

Друзья рассмеялись и закивали.

— То ли дело Золотореченск! — горделиво произнёс Агат.

— Да, сейчас это кажется самым очевидным названием, — подтвердил мудрец. — Всё-таки наша долина славится большими запасами золотоносной руды, скрытой под землёй и на поверхности, в низовьях рек. Но это же название навлекает на нас беду. С тех пор, как здесь начали добывать золото, царство стало подвергаться постоянным набегам и захватническим войнам. Не говоря уже о самоцветах... за ними охотятся по всему миру. Я родом из Винголя и даже сегодня порой встречаю недобрые взгляды, когда говорю местным о своём происхождении.

— Почему? — поинтересовался Лиафар.

— Винголь нападал на Золотореченск. Но я не жил в те времена...

— Винголь нападал на Золотореченск? — переспросил Лиафар, рисуя в уме карту Златоземья, отпечатавшуюся в памяти.

— Да, — подтвердил Мианарфон. — Это было совсем небольшое, но очень сильное королевство, и правили им довольно суровые люди. Впрочем, не только вингольцы желали завладеть Золотореченском, соседний Корнагот тоже не раз приходил сюда с войной.

— Погодите... В записях, которые нам читала царевна Полетта, говорилось, что, напротив, Золотореченск нападал на Корнагот, — поделился Лиафар. — Отец Адегора жаждал присоединить его территории к Золотореченску и отправил войско во главе со своим старшим сыном, Григорием.

— Помню-помню, — кивнул мудрец. — Андреней поплатился за неуёмную жажду власти. Григорий вернулся героем и лишил отца короны, поэтому тот сбежал с маленьким Адегором. А позже, как мы знаем, Андреней отправил Адегора с войском чертей в Золотореченск. В общем, всё дальнейшее довольно печально. Главное, что Адегор ушёл ни с чем, и совсем недавно снова остался не у дел. На этот раз благодаря вам.

Друзья ощутили прилив смущения, смешанный с гордостью и одновременно стыдом за испытываемое самодовольство. Решив скрыть лица от взгляда мудреца, они принялись активно поглощать еду.

Когда краска сошла с лица Лиафара, он хотел было сменить тему, но мудрец вновь заговорил о землях и морях, изведанных в путешествиях, и до конца походной трапезы так и не дал обсудить другие вопросы. А едва они разделались с провизией, чародей поднялся на ноги и призвал

продолжить путь.

Сердце деревушки было дальше, чем казалось поначалу. Уже вечерело, когда путники, спешившись, приблизились к площади пересечения всех дорог. Даже в сумерках здесь было многолюдно: одни толпились у полупустых прилавков, другие протискивались в повозках или экипажах, третьи спешили домой с тюками за спиной. В центре площади, мерцающей огнями факелов, вокруг небольшой трибуны для оглашения указов сновали бедняки, просившие подаяния.

Ведя под уздцы лошадь, Мианарфон рассказывал, как он однажды едва не остался без кошелька и провизии из-за местных малолетних разбойников. Он прикрыл плащом выглядывающую рукоять меча, украшенного волшебным камнем, чтобы избежать лишнего внимания.

Островитяне внимали рассказу мудреца, оглядываясь при этом по сторонам и следя, не снуёт ли поблизости подозрительная ребятня.

На секунду факел осветил незнакомца из тёмно-серой толпы. Взгляд Лиафара скользнул по лицу мужчины, и в памяти что-то всколыхнулось.

— Подержи-ка, — протянув Агату поводья, сказал Лиафар. — Извините, кажется, я увидел знакомого... Я быстро!

Прежде чем озадаченные спутники успели вымолвить хоть слово, Лиафар поспешил туда, где в движущейся толпе растворилась искомая фигура. Через каждые пять-шесть шагов юноша подскакивал на носки, чтобы не упустить из виду человека с русыми волосами в льняной рубашке. Тот почему-то прибавил шаг, а затем свернул на узкую улочку, словно заметил, что за ним следят.

Перед глазами Лиафара ярким, ослепительным све-

том вспыхивал один и тот же образ, но как он был связан с незнакомцем, парень не понимал. Продолжая преследование, он едва не проморгал мужчину, но не решился прибегнуть к способностям. Лиафар боялся выдать себя, да и не знал, удастся ли пробудить силу.

Очень скоро многолюдная площадь осталась за спиной, и Лиафар, проследовав в тесную улочку, очутился перед неказистым домиком с высокой пирамидальной соломенной крышей, в дверях которого и скрылся незнакомец.

Лиафар остановился перед крыльцом, пытаясь понять, насколько безумным казалось такое поведение со стороны. Что-то подсказывало ему, что он не бредит и не ошибается. Набравшись смелости, чтобы раз и навсегда рассеять все сомнения, он ступил на крыльцо и постучал.

Юноша прислушался, но не уловил ни шороха. Незнакомец не мог уйти так далеко, чтобы не услышать стук. Но никто не отозвался. Лиафар постучал снова, на этот раз громче.

— Простите! Я не хотел вас беспокоить, — обратился к двери Лиафар, — но мне показалось, что я вас знаю. Откройте, пожалуйста.

Оглядев высокие строения по бокам от хибары, Лиафар обернулся по сторонам, оценивая, насколько незаметным для окружающих осталось его обращение. Поблизости никто не проходил, да и отдалённые прохожие не удоставляли вниманием настырного юношу, желавшего увидеть хозяина дома. Изнутри не доносилось ни звука. Света в окнах тоже не было.

Лиафар потянул руку к двери в третий раз, но не успел постучать, как та приотворилась сама собой. В открывшейся полосе возникло лицо мужчины, освещённое факелом, что висел на стене соседнего дома. Едва разглядев глаза незна-

комца, Лиафар вновь почувствовал необъяснимую симпатию к человеку. Он не был облачён в белую одежду, кожа его не светилась изнутри, а за спиной не было крыльев, но почему-то он располагал к себе.

— Вы...

— Тише! — прервал его мужчина. — Зайди внутрь.

Он распахнул дверь шире и, впустив Лиафара в дом, тут же затворил её.

Незнакомец жестом пригласил в крохотную мрачную комнату, где стояли печь да стол с двумя стульями у небольшого окна с закопчёнными стёклами. Минувя сени, Лиафар заметил несколько сложенных стопками плетёных корзин и небольшую горку сваленных в кучу лаптей.

— Садись, — мужчина указал на стул и зажёл свечи. Одну он поставил на стол, чтобы лучше видеть незваного гостя.

Лиафар сел и взгляделся в человека напротив: русые волосы подрастrepались, серо-голубые глаза немного расширились, а на лице со слегка выдающимися скулами и подбородком не было ни единого лишнего волоска. Лиафар открыл было рот, но показавшийся знакомым мужчина снова его прервал.

— Не ожидал, что это произойдёт... по крайней мере, так скоро... Что вы потеряли в Теремках?

— Вы... вы видели нас на площади? — удивился Лиафар.

— Конечно, видел, — отозвался мужчина. Он выглядел встревоженным: глаза то и дело бегали по комнате от окна к двери. При этом голос оставался на удивление умиротворяющим. — Не хватало лишнее внимание к себе привлечь. Я тут без году неделю, а ты меня уже раскрыть пытаешься. Как вообще меня узнал?

— Вы тот алат, который спас меня от чертей! — наконец произнёс Лиафар. Сознание наполнилось воспоминаниями

о ночи в Дремучем лесу, когда, убегая от чертей, он оказался окружён ими. Но в нужный момент с неба пролился свет, и в потоке этого света на землю опустился алат с огромными белоснежными крыльями за спиной.

Мужчина молчал и всё не решался ответить. Несмотря на внешнюю обеспокоенность, одновременно с этим он излучал завидное самообладание. Наконец, тяжело вздохнув, он продолжительно закивал.

— Да-да, наверное, было глупо полагать, что ты забудешь моё лицо. Если бы мы увиделись тогда при свете дня, и сияние не померкло, ты бы не разглядел меня, но... случилось как случилось... Предугадать нашу встречу я никак не мог... Меня зовут Белослав. Твоё имя я, разумеется, знаю.

— Но как? — путался в мыслях Лиафар. — Вы... вы не светитесь сейчас и... вы как обычный человек...

— Да, — вновь кивнул Белослав. — Если помнишь, я сказал тебе в Дремучем лесу, что мы присматриваем за миром...

— И присматриваете за мной... И что моей встрече со смертью ещё не настало время, — вспомнил он слово в слово сказанное алатом-спасителем в памятную ночь.

— Мы присматриваем за порядком в мире и всеми, кто носит в себе частички могущественных сил, унаследованных от великих предков.

— Вы про потомков Перворождённых? — предположил Лиафар.

— Да, пока по земле ходят наследники Перворождённых и другие могущественные личности, обыкновенные люди находятся в... м-м... опасности, — неохотно объяснял Белослав. — В первую очередь мы призваны защищать мир от сил, с которыми обычный человек не способен справиться. В твоём случае всё немного сложнее.

— В моём случае вам пришлось защищать уже наследника

Перворождённых? — подытожил Лиафар. — Но почему?

— Миссия спасения природы и людского рода от гибели выпала именно тебе. Мы знали. И приглядывали за тобой, чтобы помочь в случае чего. К сожалению, пришлось вмешаться. — Белослав огорчённо помотал головой из стороны в сторону. — Но я не хотел, этого не должно было случиться!

— Вы спасли меня от смерти! Я вам безмерно благодарен! — со всей искренностью заявил Лиафар, не понимая, что именно расстраивает собеседника.

— Только теперь моя личина раскрыта. Я не представляю, куда мне отправиться, чтобы не столкнуться с тобой и не дать обнаружить себя в очередной раз. Кто бы мог подумать, что мы повстречаемся вновь, да ещё так скоро?

— О чём это вы? — растерянно глядел на мужчину Лиафар.

— О том, что мы приглядываем за миром в большой тайне, — сдержанно отвечал Белослав. В его глазах отражался свечной огонёк, тени мягко ложились на молодое скуластое лицо. — В каждом царстве-государстве, в каждой самой глухой деревушке можно встретить хотя бы одного алата. Конечно, мы складываем крылья и становимся почти обыкновенными людьми, но...

— Вы складываете крылья? — повторил ошарашенный Лиафар. — Как это возможно?

— Такими уж мы сотворены, — пожал плечами не то алат, не то человек.

— Погодите, но... — Лиафар запнулся. В голове не укладывалась мысль о том, что он сидел за одним столом с представителем мифического вида и своим спасителем в одном лице. — Хотите сказать, алаты живут среди нас? И в нашей деревне, в Островке, живёт, по крайней мере, один алат?

— Несомненно, — подтвердил Белослав. — Со сложенными крыльями мы ничем не отличаемся от окружающих. Приходим и уходим незаметно. Живём в затворничестве, дабы не навлечь подозрений. И в вашей деревне, конечно, живёт такой отшельник. Подумай хорошенько, ты наверняка его знаешь.

Лиафару не пришлось долго думать — ответ созрел раньше, чем Белослав обратился с вопрошающим взглядом.

— Агафон!

Лиафар невольно коснулся рукой нагрудного кармана, где покоилась фигурка птицы, вырезанной из дерева и подаренной ему нелюдимым жителем Островка.

— Но он же... полоумный! Все так считали...

Белослав горько усмехнулся.

— Мы нарочно создаём отталкивающие образы, дабы отгородить себя от любопытства и подозрений. Видишь ли, мы, алаты, стареем почти незаметно даже тогда, когда выбираем человеческий удел. Поэтому и не остаёмся на одном месте больше десяти лет — в противном случае начинаются неприятности. Роль безумца и отшельника — безупречное прикрытие. Но приходится осознанно лишать себя всяческих радостей человеческой жизни.

Лиафар не понял, что имел в виду Белослав, и недоумение, видимо, отразилось на лице.

— Я говорю про дружбу и любовь, — без обиняков пояснил алат. — Я не так давно стал стражем, но успел ощутить нехватку светлых чувств. Мы лишены этого, так как сами же и отталкиваем окружающих, но по-другому нельзя.

— Почему же? — удивился Лиафар. — Вы нас защищаете от разных сил, приглядываете за нами... Неужели вам не хочется открыться, рассказать...

— Ты не понимаешь, о чём говоришь, — бесцеремонно

перебил юношу Белослав. — Стражи сами выбирают этот путь. Мы знаем, что опасно сближаться с людьми.

— Опасно? — недоумевал Лиафар.

— Послушай. Были времена, когда люди не сомневались в существовании алатов. Но то время ушло. Однако даже сейчас жить сообща, пусть под прикрытием чужой личности, несбыточно. Дело даже не в том, что человек — сам по себе завистливое создание. И не отрицай! — предостерег он юношу, задохнувшегося от возмущения. — Думаешь, многие радуются, осознавая, что стареют, а живущий по соседству полоумный, или, того хуже, алат собственной персоне не стареет с годами ни на день? Мы это уже проходили. Люди не готовы принять некоторые законы мироздания, не хотят думать о скоротечности собственной жизни и ещё меньше хотят видеть рядом кого-то вроде нас.

Белослав вновь горько усмехнулся. Лиафар же лихорадочно пытался подобрать слова, чтобы возразить и опровергнуть его высказывания.

— Но ведь не все люди одинаковы, — выговорил наконец Лиафар. — Я вот выяснил, что в мире живут потомки Перворождённых. Я и сам один из них. А теперь узнал ещё и о стражах, скрывающихся под видом безумцев. Я не испытываю никакой зависти.

— А те, кто тебя окружают? — вдруг спросил Белослав. — Думаешь, они не способны позавидовать твоей исключительности?

Лиафар задумался. Говорил Белослав обобщённо или намекал на кого-то вполне определённого? Разве могли родные и близкие позавидовать его необычайным умениям? Лиафар начал перебирать в голове всех, кто знал о его избрании, и ни в ком он не мог усмотреть завистника.

— Меня все поддерживают. Неужели кому-то придёт в

голову завидовать моей участи? Меня же отправляли, считай, на смерть, и если бы не Мираж... Не думаю, — заключил Лиафар, выражая веру в близких.

— У этой монеты есть обратная сторона, — обречённо произнёс Белослав. — Представь, что один из стражей отважился открыться перед человеком и даже, вопреки правилам, решился на создание семьи. Каково ему будет, по-твоему, наблюдать, как старятся и умирают любимые, дети, внуки... в то время, как сам он будет оставаться всегда молодым?

Лиафар вновь погрузился в задумчивое молчание. Много он мог представить с тех самых пор, как его избрали Спасителем и жизнь полностью изменилась, но представить себя на месте бессмертного алата было невыносимо. Да и чего Белослав ждал от восемнадцатилетнего молодого человека?

— Да, наверное... Это ужасно, — посочувствовал Лиафар.

— Мы, как и люди, способны любить. И страдаем от любви не меньше, — продолжил Белослав. — Страдания растянутся на века, ведь мы почти бессмертны. Поэтому неразумно обрекать себя на подобные муки.

— Не понимаю, как вы обходитесь без общения, без дружбы?

— Ну, по правде говоря, мы иногда покидаем укрытия и собираемся в компании собратьев, — сказал Белослав, и лицо его просияло. — Обмениваемся известиями, иногда отправляемся полетать...

— Так вы можете вновь расправить крылья? — не удержался от вопроса Лиафар. — Выбирая человеческую жизнь, вы человеком не остаётесь?

— Нет, конечно, мы остаёмся алатами, которые уже не слышат мыслей, не летают и живут наравне с обыкновен-

ным людям, — пояснил Белослав.

— Значит, если вы встретите на пути собрата, который прикидывается безумцем, вы не узнаете, кто перед вами? — полюбопытствовал Лиафар.

— Скорее всего, не узнаем, если раньше не были знакомы. Но ситуации бывают разные, — уклончиво ответил Белослав. Его взгляд вновь забегал по комнате. — Этого я не могу объяснить тебе словами. Да и некогда. Ты и так задержался, а твои спутники наверняка заждались. Ещё решат, что ты попал в беду, да придут сюда с мечами — тогда мне точно придётся срываться с места... Тебе пора возвращаться!

Белослав стремительно поднялся со стула. Лиафар, захваченный врасплох столь резким окончанием разговора, неохотно последовал примеру. Он хотел продолжить беседу, задать многочисленные вопросы и получить впечатляющие ответы.

Выходя в сени, он вновь обратил внимание на сваленные кучей корзины и лапти.

— Вы занимаетесь плетением?

— Нужно же как-то время коротать, — пожал плечами Белослав. — Весьма успокаивающее занятие, да и хороший повод для погружения в людскую среду. Я отправляюсь на ярмарку, предлагаю свои изделия, присматриваюсь к народу, слушаю, о чём говорят. По большей части это, конечно, пустое, но иногда случаются любопытные разговоры. В народе ходит молва и о тебе: говорят, что богатырь с силой десятерых спас людей из подземного плена, одолел врага и освободил из заточения птицу Мираж. Быстрее пожара распространяются только слухи.

Белослав улыбнулся одним уголком рта, но глаза его по-прежнему смотрели с тоскливой грустью. Окидывая взглядом тёмное жилище и перебирая в памяти короткий,

но обстоятельный разговор, Лиафар испытал сочувствие к новому знакомому, обрѣкшему себя на незавидную участь, чтобы охранять ничего не подозревающих людей.

— Я столько всего рассказал о себе и собратях, пожалуй, даже слишком много... — произнёс Белослав у самой двери. — Но я даже не поинтересовался о тебе... о вашем путешествии... Что-то случилось?

— Нет, но... Мы отправляемся в Велигорн, на встречу с моим отцом, — поделился островитянин.

— Так вы нашли его? — удивился алат. Лиафар сообразил: Белослав общался с Агафоном и через него слышал о родителях. — Радостная новость.

Распахнув перед юношей дверь, Белослав пропустил его вперёд, а едва Лиафар вышел на крыльцо, поспешил её притворить, оставив узкую щель. На землю опустилась темнота, но факелы позволили Лиафару заметить в стороне знакомые фигуры. Он обернулся к провожающему:

— И правда, меня уже ждут.

— Надеюсь, состоявшийся разговор останется только между нами? — произнёс в дверной просвет Белослав.

— Да, конечно... Я не стану вас раскрывать... не стану раскрывать присутствие алатов, — пообещал Лиафар.

Белослав глядел на Лиафара и будто намеревался вымолвить что-то ещё, но не решался. Юношу тоже не покидало ощущение недосказанности, но настаивать на продолжении беседы он не смел.

— Удачи вам в пути! — ограничился коротким пожеланием Белослав и затворил дверь на засов.

